

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ: К Сорокалетию поворота в аналитической философии

Касавин Илья Теодорович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН. Главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Профессор. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Российская Федерация. 603000, г. Нижний Новгород, Университетский переулок, д. 7;
e-mail: itkasavin@gmail.com

Новое направление развития аналитической эпистемологии возникает как синтез ряда трендов – метаэтики, социальной эпистемологии, метафилософии и экспериментальной философии, – начинающийся с 70-х гг. XX в. Оно призвано, с одной стороны, преодолеть некоторые слабости классической эпистемологии, а с другой, сделать это на прежней классической основе, исходя из понимания знания как обоснованного истинного убеждения. Самоназвание направления в качестве «эпистемологии добродетелей» (virtue epistemology) обозначает ориентацию на восстановление в правах нормативного подхода и противостояние куайновскому натурализму. Субстанцией интеллектуальных добродетелей, будь то когнитивные способности или моральные черты характера, провозглашается субъект познания. Методом анализа выступает артикуляция ценностных интуиций в процессе познания, которые понимаются большинством исследователей как индивидуальные ментальные состояния, доступные благодаря интроспекции. Способом тестирования таких интуиций служат мысленные эксперименты, моделирующие повседневные познавательные ситуации. Параллельно в рамках эпистемологии добродетелей возникают и альтернативные подходы, вносящие существенные коррективы в предмет и методы аналитической эпистемологии.

Ключевые слова: эпистемология, добродетели, ценности, когнитивные способности, знание, мораль, натурализм, релейбизм

VIRTUE EPISTEMOLOGY: ON THE 40TH ANNIVERSARY OF THE TURN IN ANALYTICAL PHILOSOPHY

Ilya T. Kasavin – DSc in Philosophy, professor, correspondent member of the Russian Academy of Sciences, head research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240,

The article summarizes the main developments in virtue epistemology and reacts to the challenges faced by the discipline. This new trend in analytic epistemology emerges as a synthesis of a number of directions (metaethics, social epistemology, meta-philosophy and experimental philosophy). On the one hand, it attempts to overcome some weaknesses of classical epistemology and, on the other hand, it performs this on the same basis, retaining the classical understanding of knowledge as justified true belief. It was dubbed “virtue epistemology” since it focuses

Russian Federation.
Professor.
Lobachevsky State University
of Nizhni Novgorod.
7 Universitetsky lane,
603000, Nizhni Novgorod,
Russian Federation;
e-mail: itkasavin@gmail.com

on restoration of the normative approach and on the opposition to Quine's naturalism. It explores intellectual virtues like epistemology explores knowledge claims though emphasizing their subject-dependent nature. It is the cognitive agent who provides a foundation for intellectual virtues no matter whether they are understood as cognitive ability or mental traits. However, the most researchers take epistemic virtues as individual mental states available through introspection, and the entire analysis in fact boils down to the articulation of virtue intuitions in the cognitive process. For those intuitions, thought experiments serve as a test simulating everyday cognitive situations. Still, in the context of virtue epistemology some alternative approaches arise, contributing significant revisions to the subject matter and the methods of analytical epistemology. A collective agent replaces an individual one, and knowledge engages in an integral subject-object and subject-subject context. Normativism mitigates its opposition to naturalism, enabling the utilization of the empirical data from the social sciences and humanities. As a result, a dialogue of virtue epistemology with the philosophy and ethics of science gets the chance.

Keywords: epistemology, virtues, values, cognitive capacities, knowledge, moral, naturalism, reliabilism

Открывая ценности заново

Во второй половине XX в. философия пережила очередное потрясение, иногда называемое революцией или скандалом. Вопросы, поднятые Э. Геттиером (1963), вынудили подвергнуть ревизии классическое понятие знания как обоснованного истинного убеждения (justified true belief – JTB). Все три его элемента были поставлены под сомнение. Нелишне напомнить, что аналитические эпистемологи, говоря о знании, используют специфическую терминологию семантического анализа. В таком случае выражение типа «S believes the truth» должно в философском переводе означать «S имеет убеждение, т. е. ментальное состояние, которое истинно, т. е. соответствует реальности». После Геттиера оказалось, что эпистемология с трудом справляется с доказательством наличия того или иного субъективного ментального состояния, поскольку рискует слиться с интроспективной психологией. Кроме того, корреспондентное понятие истины, используемое при данном определении знания, не указывает на объективные способы установления соответствия знания реальности. Обоснование же включает множество методов и приемов, между которыми существует лишь ситуационный или конвенциональный выбор.

Трудность как однозначного решения проблемы Геттиера, так и отказа от ее решения вынуждает аналитическую эпистемологию если не пересматривать понятие знания, то, по крайней мере, расширить предмет исследования, чтобы опытным путем установить сферу

и границы познания. Так, аналитическая социальная эпистемология¹ последние тридцать лет активно осваивает интеллектуальные сферы, которые ранее резко отграничивались от познавательной деятельности. Речь идет, в частности, о сфере норм и ценностей, суждения о которых, казалось бы, не могут оцениваться с точки зрения истины, а потому ранее не рассматривались как говорящие о реальности и не включались в предмет эпистемологии. Такой критической рефлексии активно способствует аналитическая метафилософия и экспериментальная философия [Williamson, 2007]. Вместе с тем, уже на самой заре аналитической философии возникает метаэтика, которая специально рассматривает сферу норм и ценностей с точки зрения ее логической структуры и выраженности в языке. Новое гибридное философское течение сформировалось благодаря взаимодействию этих концептуальных ресурсов. Оно ознаменовало собой очередную попытку аналитической социальной эпистемологии «встать из кресла», т. е. уйти от «кабинетной философии» (armchair philosophy) [Sosa 1991], и получило название эпистемологии добродетелей (virtue epistemology, VE). В российской философии исследования в данном направлении только начинаются. В частности, этой тематике был посвящен тематический номер журнала «Epistemology and Philosophy of Science» (2017, № 3), включивший статьи И.Г. Гаспарова и К.В. Карпова. Имеются также некоторые другие публикации [Долматов, 2018; Каримов, 2017; Касавин, 2017; Шевченко, 2017].

По крайней мере, три установки роднят между собой практически всех представителей рассматриваемого течения. Это, во-первых, возврат к эпистемологии как нормативной дисциплине, которая была сильно поколеблена радикально-натуралистической программой У. Куайна. Во-вторых, общим местом является своеобразный субъектоцентризм [Лекторский, 2000], т. е. убеждение в том, что индивидуальные и коллективные субъекты познания, люди и сообщества составляют главный источник эпистемических ценностей и предмет эпистемической оценки. Наконец, в-третьих, непосредственным предметом исследования были выбраны «эпистемические добродетели» (epistemic virtues) как качества познающего субъекта, а введение этого понятия имело своей целью артикуляцию ценностных интуиций, так или иначе относящихся к процессу познания.

Представители аналитической VE, несмотря на восприятие уроков Э. Геттиера, продолжают в целом двигаться в русле классической эпистемологии. Для последней, основанной на понятии знания

¹ Водораздел между аналитической социальной эпистемологией (ASE) и критической социальной эпистемологией (CSE) для краткости обозначается как различие между позициями Стива Фуллера [Fuller, 1988] и Элвина Голдмана [Goldman, 1999].

как ЛТВ, главными вопросами были, во-первых, определение и критерии наличия ментальных состояний (убеждений); во-вторых, понятие и критерии истинности; и в-третьих, способы обоснования знания. Аналогично, для мейнстрима VE центральными вопросами становятся, соответственно: определение и критерии наличия эпистемических добродетелей как ментальных состояний; отношение добродетелей и истины; способы обоснования тех или иных добродетелей. Противники мейнстрима апеллируют к VE в стремлении вообще уйти от традиционной аналитической философии с ее дефинициями и логическим анализом, попытками решения проблемы Геттиера, контрроверзами фундаментализма и когерентизма, интернализма и экстернализма, преодолением скептицизма, искусственными «мысленными экспериментами» и опровержением контрпримеров. Эта альтернативная VE демонстрирует более содержательный подход с опорой на художественную литературу, историческую науку и религиозные источники, воскрешает интерес к забытым познавательным феноменам вроде понимания или мудрости, а также подчеркивает социально-культурную природу эпистемических добродетелей.

Конкурирующие подходы VE

Введем различие между широким и узким смыслом термина «virtue epistemology». В широком смысле он включает тезис о том, что эпистемические добродетели являются достойным предметом эпистемологического исследования. При этом значимость данного тезиса сохраняется вне зависимости от возможности или невозможности определения знания в терминах добродетелей или от понимания последних в качестве условия достижения истины. Характеризуя степени совершенства познающего субъекта, добродетели могут не обеспечивать когнитивной надежности (безошибочности). Когнитивная надежность также не жестко связана со способностью давать эпистемические оценки, определять обоснованность или необоснованность некоторого убеждения. Широкий подход открывает возможность для выхода VE за пределы классической аналитической эпистемологии и отказа от решения парадоксов Геттиера.

Однако мейнстрим VE во многом отличается узким подходом к своему предмету и методам. Он основан на принятии тезиса, что знание есть истинное убеждение, обязанное интеллектуальным добродетелям. Последние надежно ведут к истинным убеждениям и позволяют избегать заблуждений. При этом под добродетелями могут пониматься либо развитые и адекватные когнитивные способности, либо такие моральные черты личности как честность, скромность,

смелость, тщательность – все с прилагательным «интеллектуальный» или «эпистемический».

Что же касается более конкретных вопросов, то в эпистемологии добродетелей нет единства по вопросу о том, что представляют собой добродетели такого рода, каковы их сфера и границы, какого рода методы следует использовать для их анализа. С обзором разных версий VE можно ознакомиться в ряде источников [Axtell, 1997; [DePaul & Zagzebski, 2003; Alfano & Skorburg, 2017]. Для наших же целей достаточно рассмотреть два главных кластера. Первый нередко именуется «картезианством», поскольку его представители трактуют интеллектуальные добродетели по аналогии с методом Декарта – как путь к истине. Тот же подход характеризуется натурализмом, т. е. аргументацией со ссылкой на данные наук, и дескриптивизмом, т. е. возможностью понять добродетели вне апелляции к морали путем описания когнитивной структуры субъекта. Представители этого подхода (Э. Соса, Э. Голдман, Дж. Греко и др.) считают эпистемическими добродетелями, или достоинствами, развитые чувственные и рациональные способности познающего субъекта, позволяющие проводить различие между истиной и ложью (восприятие, интуиция, интроспекция, дедукция, память). Второй вариант эпистемологии добродетелей развивают, опираясь на аристотелевскую этику добродетелей, Дж. Макдауэлл [McDowell, 1998], Дж. Монтмаркет, Л. Загзебски и др. Их рассуждения строятся в стиле трансцендентализма, неявно допускающего некое высшее начало, которому обязана природа человека. Нормативизм в их трактовке означает, что интеллектуальные добродетели имеют моральную основу. Они не согласны, в частности, с Голдманом, в том, что эпистемические добродетели служат только обоснованию знания и являются, прежде всего, *надежными* (reliable – отсюда и название первого течения – virtue reliabilism) средствами в достижении познавательных целей (истины).

Здесь требуется некоторое разъяснение. Релейбилизм (reliabilism) и веритизм (veritism) – два главных принципа, на которых основывается концепция Э. Голдмана, ищущая надежных путей к истине. Она является классической наследницей картезианского проекта, благородного по своей цели – предложить правила научного метода. Однако его результатом стало лишь нормативно-утопическое требование продолжать поиск методов познания истины, а это работающие ученые уже довольно давно усвоили в общем виде. Даже весьма обстоятельный разбор теорий и данных когнитивных и социальных наук, анализ позитивных и негативных факторов на пути к истине не дают Голдману каких-то весомых аргументов, которые бы отвечали его собственным критериям. Они не указывают надежных путей к безошибочному и уверенному нахождению истины в научном исследовании и не дают нового убедительного обоснования корреспондентной теории истины.

Неудача этого неоклассического варианта VE сказывается и на соответствующем подходе к эпистемическим добродетелям, что отчасти объясняет пафос риторического вопрошания Монтмаркета: «К чему же все это введение понятия “эпистемической добродетели”, если не для того, чтобы придать эпистемологии специальную нормативную функцию?» [Montmarquet, 1993, p. X]. Он полагает, что эпистемические добродетели представляют собой не биологически заданные когнитивные способности, но свойства характера, приобретенные в результате морального и когнитивного опыта. Дальтон и Лавуазье, Ламарк и Дарвин, Ньютон и Эйнштейн придерживались взглядов, которые получают сегодня разные оценки с точки зрения их истинности. Однако все они были, несомненно, образцами научной добродетели. Поэтому эпистемические добродетели обладают, в первую очередь, нормативной силой, побуждают направлять познание к моральным целям и являются эпистемическими ценностями. В силу этого субъект познания несет моральную *ответственность* за результаты познавательной деятельности (отсюда название второго течения – *virtue responsibilism*). У представителей «респонсибилизма» и альтернативной VE мы в большей степени находим артикуляцию и анализ эпистемических норм и ценностей, критику и демонстрацию их амбивалентности, существования в форме парных противоположностей добродетелей и грехов.

Как отвечать на вызовы эпистемологии добродетелей?

Наш интерес к данному течению обязан именно тем трем вопросам, которые оно актуализирует. Во-первых, в какой мере и в какой форме возможна нормативная эпистемология после Геттиера и Куайна? Во-вторых, в каком смысле субъект познания является источником эпистемических ценностей в эпоху неклассической эпистемологии? И наконец, что такое ценностные интуиции и как возможна их артикуляция, если эпистемология вышла за пределы эмпирической психологии?

Так, даже если определить знание как *неслучайно* истинное и обоснованное убеждение, обязанное эпистемическим достоинствам познающего субъекта [Sosa, 1991, p. 277], это лишь ставит нас в порочный круг, поскольку атрибут «эпистемический» остается неопределенным. Определение знания как результата деятельности, или «достижения субъекта, которое является заслугой (*credit*)» и вызывает доверие, положительную оценку [Riggs, 2009, p. 341], вновь не сильно нас продвигает. Под достижением, заслугой, доверием, оценкой всякий раз понимаются именно *эпистемические феномены*, т. е. знание

определяется через себя же. Логическим ходом здесь было бы отказать от определений знания вообще и трактовать его как самореферентный абсолютизм, который ни на что иное опираться не может. Дж. Мур выразил это в адекватном определении добра как предмета этики только через добро: «На вопрос: “Что такое добро?” я скажу, что добро – это добро, и это весь мой ответ» [Мур, 1984, с. 63]. В этом смысле аналитическая эпистемология остается вызовом по отношению ко всем иным способам исследования знания и познания, которые исходят из разных и даже относительных свойств этого феномена. Ее представители не согласны с натуралистическим проектом Куайна и, будучи последовательными, должны не только избегать редукции понятия знания к данным когнитивных наук, но не могут даже привлекать последние для своих обобщений.

Что же делать в таком случае с тезисом VE, согласно которому субъект является источником интеллектуальных добродетелей? Ведь присущие ему эссенциалистские и фундаменталистские коннотации не только не имеют современного звучания, но утратили авторитет уже тогда, когда Д. Юм раскритиковал Т. Рида. Некоторые представители VE осознали, что нужно отказываться от эпистемического индивидуализма и апеллировать к коллективному субъекту, к группе [Kvanvig, 1992]. Сходную позицию выражает и эпистемический ситуационизм (epistemic situationism), провозглашающий неизбежную зависимость познающего субъекта от обстоятельств. Трудно представить себе субъекта, не включенного в процессе познания во взаимодействие с природными объектами, артефактами и другими субъектами в их материальных и социальных условиях; и эти внешние обстоятельства хотя бы частично отвечают за формирование когнитивных установок. Эпистемический ситуационизм, тем самым, объединяется с подходами в рамках философии сознания, где идет речь о встроенном (embedded) или расширенном (extended) познании [Alfano, Skorburg, 2017]. В силу этого когнитивные добродетели должны рассматриваться не как способности субъекта или черты характера личности, но, скорее, как функции всей совокупности взаимодействий, в которых происходит процесс познания. Человек учится воспринимать, мыслить и рассуждать, стремиться к цели, ориентироваться на ценности, совершать оценки, культивировать свойства своей личности в ходе субъект-субъектных и субъект-объектных отношений. Здесь нельзя полностью исключить момент случайности, но так же нельзя лишить человека свободы воли, позволяющей выстраивать линию своей жизни. Сложная констелляция случайностей и закономерностей сопровождает и определяет познавательный процесс, а потому и получаемые человеком истинные знания не абсолютны и могут быть отвергнуты или дополнены. Этому соответствует образ расширенного, коллективного субъекта, добродетели и грехи которого

представляют собой в значительной мере паттерны общественного сознания и поведения.

На этой основе можно подойти к пониманию и того, чем же являются ценностные интуиции. Поскольку всякий человек представляет собой общественного индивида, то его ценностные интуиции суть проекции тех образцов, которые приняты в его группе и социуме в целом. Если же такие интуиции артикулирует теоретик, то он совершает это, с одной стороны, во всеоружии теоретической рефлексии, а с другой – под властью известных ему теорий и данных. Анализ интуиций оказывается поэтому частным случаем исследования исторических априори (Э. Гуссерль) или культурных универсалий (В.С. Степин). Философия и искусство порой дают в этом деле удивительные по точности результаты. Однако они могут и должны быть дополнены специальными науками. В помощь индивидуальной интроспекции и рефлексии приходит социологический опрос с последующей интерпретацией, контент-анализ соответствующих текстов, методы психосемантики и цифровой гуманитаристики и т. п. И хотя представители VE чужды натурализации, они все же вынуждены обращаться к частным наукам для поиска эмпирически фундированных ответов. О каких именно интуициях идет речь – общекультурных, национальных, узкогрупповых, ситуативных? Если мы говорим, например, об интеллектуальной открытости, то нужно ли ее понимать в самом общем виде или как интеллектуальную открытость по отношению к своим коллегам в условиях благоприятного расположения духа? Учет эмпирических обстоятельств здесь необходим [Zagzebski, 1996, p. 309].

Gettier cases: ситуационный анализ

Представители мейнстрима VE вынуждены решать проблему Геттиера, который, как известно, показал, что наши представления, обычно считаемые знанием, нередко оказываются следствием случая или удачи. Считается, что разбор таких кейсов, или мысленных экспериментов, предоставляет особую эмпирическую фактуру для философского дискурса. Разберем типичный «геттиероподобный» пример, используемый Загзебски [Zagzebski, 1996, pp. 285–6]. Мэри входит в дом и заглядывает в гостиную. Кто-то знакомый приветствует ее из кресла ее мужа. Она думает: «Мой муж сидит в гостиной», а затем заходит в комнату. Но Мэри ошиблась: человек в кресле не ее муж, но его брат, который, как она полагала, находится в другой стране. Ее муж сидел напротив и дремал в другом кресле. И вместе с тем Мэри не ошиблась. Ее убеждение «Мой муж сидит в гостиной» является истинным. Казалось бы, мы столкнулись с парадоксом:

Мэри обладает знанием и одновременно не обладает. Как же его разрешить? Сторонники VE обстоятельно разбирают этот и другие подобные случаи; мы не будем повторять их ходы мысли, но произведем собственный анализ.

Во-первых, судя по всему, Мэри плохо видит и невнимательна, у нее слабые сенсорные способности (добродетели), если она не может различить мужа и его брата (они все-таки не близнецы, но могут быть похожи). Впрочем, не исключено, что в гостиной притушен свет, поскольку ее муж дремлет, но мы об условиях восприятия ничего не знаем.

Во-вторых, у Мэри нелады с логическим выводом, и эта добродетель тоже хромает. Она видит кого-то знакомого и на основании этого умозаключает о наличии мужа: ее убеждение плохо обосновано. Это типичная энтимема: из посылки «S обладает свойством Q» делается вывод «S обладает свойством P», а посылка «все S обладают свойством P» пропущена. Если «Сократ человек», то «Сократ смертен» только и если только «Все люди смертны».

В-третьих, при всем этом, убеждение Мэри вовсе не случайно истинно в смысле соответствия действительности. У ее знания имеются иные основания, кроме непосредственного восприятия или поспешного вывода; оно вытекает из другого ряда обстоятельств. Вероятно, у Мэри есть исходное предпосылочное знание, основанное на опыте, которое может быть названо «базисной когнитивной добродетелью», или «встроенным знанием». Она многое знает заранее: что ее муж дома, каковы его привычки, и имеет определенное основание полагать, что он в это время дремлет в гостиной. Она не обязана быть особо внимательной у себя дома, могла бы вообще ничего не видеть и предположить ту же картину; наличие в комнате ее девчонки ничего, в сущности, не меняет.

В-четвертых, данный случай, будучи примером обыденного знания, весьма неточно описан и не поддается строгому анализу. Слишком много обстоятельств вызывает сомнение. Он лишь показывает, что в повседневных ситуациях имеет место особое неточное знание, которое, тем не менее, отличается достаточной адаптивностью.

В-пятых, подобные упрощенные примеры едва ли позволяют выработать образцы решений более сложных проблем. Напротив, они создают впечатление, что извлечены из лекции для малограмотных студентов, которым недоступны примеры из истории науки или культуры. Вероятно, следует более тщательно выбирать кейсы, достойные философского обсуждения.

Перспективы VE

Установление связей VE с STS, философией науки и этикой науки еще только начинается и образует актуальную перспективу [Fairweather, 2014]. Однако в целом для мейнстрима VE характерно невнимание к ключевым контроверзам самосознания науки даже в том идеализированном виде, в котором их представил структурный функционализм [Merton, 1965]. Это касается, например, противоположности результативности и добросовестности. Так, профессиональный ученый обязан демонстрировать эффективность вложенных в него инвестиций, выраженную в новых и признанных научных результатах. Его задача – утверждать свой авторитет и приоритет, выигрывая в конкуренции с другими учеными. Однако он также должен обеспечивать обоснованность и надежность полученных результатов вне зависимости от попыток других исследователей его опередить. Тот, кто показывает результативность, рискует пожертвовать добросовестностью, и наоборот. Обоснование возможности или невозможности теоретического решения данного парадокса могло бы быть реальной заслугой эпистемологии добродетелей.

Изучение кодексов разных научных дисциплин также могло бы дать VE новые импульсы. В прикладной и профессиональной этике накоплен огромный материал из научной и общественной практики, ждущий критического анализа и осмысления. Самосознание и практика любой науки включает набор идеалов, норм, ценностей, добродетелей и грехов. Однако в рамках эпистемологии ценностей почти не проводятся исследования современной науки и техники, в которой уже введены понятия плохой практики (*malpractice, misconduct*), честной и лживой науки (*fair and fraud science*) [Sismondo, 2010]. На этой основе можно было бы прояснить понятия интеллектуальной честности (*intellectual honesty*) [Guenin, 2005] и добросовестности (*integrity*) [Юдин, 2018], требующие существенного уточнения.

Еще один вызов для VE состоит в том, что рациональные аргументы, осуждающие плохую практику, оказываются в науке недостаточными. Критика и санкции за плохую практику не дают однозначного практического эффекта. Ведь они отнимают время и силы у добросовестных ученых и тем самым предоставляют конкурентное преимущество их недобросовестным противникам. При этом плохая практика приносит столько выгоды посредственным ученым, что они готовы терпеть риски морального осуждения, применяя весь арсенал средств массмедийного пиара своих мнимых достижений. Вместе с тем, «воздействие новых информационных технологий имеет противоположную направленность: облегчая коммуникации ученых и постепенно интегрируя международное научное сообщество, они практически способствуют реализации таких норм, как

универсализм, коллективизм и организованный скептицизм» [Мирская, 2005, с. 24]. Итак, пусть аргументы против плохой практики не имеют выраженного утилитаристского резона. Однако средствами VE можно было бы показать, что они направлены не столько против конкретных нарушителей, сколько на утверждение морального супер-эго их противников, на создание «организационного мифа науки» [Fuchs, 1993]. Тем самым, сопротивление плохой практике не бессмысленно: оно служит самосознанию хороших ученых, убеждая их в возможности сохранения научной солидарности и морально-эпистемической автономии науки, благотворной для общества в целом.

Итоги

Многообразие мнений и течений внутри одного из многочисленных ответвлений аналитической философии наводит на мысль, что его участники последовательно воплощают в жизнь правила некоторого научного этоса. И его идейное «ядро», в терминологии И. Лакатоса, – это требование новизны предлагаемой концепции, ее ясного отличия от других, а также развернутой аргументации, включающей и критику противников, и доводы в пользу собственной позиции. При этом «защитный пояс», т. е. *практика* ведения большинства дискуссий, включает методологические стандарты классической эпистемологии, что сдерживает новизну, обеспечивая относительное согласие по поводу обсуждаемых проблем. Несмотря на такую амбивалентность, в главном представители VE правы. Проблематика норм, ценностей и когнитивных добродетелей важна для всех дисциплин, изучающих познавательный процесс. Эти исследования имеют не только прикладную направленность, но значимы для переосмысления самых глубинных основ современной эпистемологии.

Выражение признательности

Размышления о данной теме обязаны творческим стимулам от многих моих коллег и их работ. Моя благодарность адресована И.Д. Невважаю, вдохновившему меня выступить на очередном форуме «Мир человека: нормативное измерение» (Саратов, 2017), а также В.Ю. Перову и Л.В. Шиповаловой, предложившим мне доклад на конференции «Теоретическая и прикладная этика» (Санкт-Петербург, 2018). Труды А.А. Гусейнова и Л.В. Максимова прояснили мне особую природу этического дискурса. Общение с Б.Г. Юдиным и П.Д. Тищенко

заставили задуматься о практическом вкладе этики науки в развитие науки и техники. Тематический номер нашего журнала по эпистемологии религиозной веры (2017, № 3), собранный И.Г. Гаспаровым и К.В. Карповым, повысил мою информированность по данному вопросу. Весьма полезными были редакционные замечания С.В. Пирожковой, П.С. Куслия и С.М. Левина по тексту настоящей статьи. Наконец, моя признательность А.Ю. Антоновскому, инициатору обсуждения доклада М. Вебера «Наука как профессия и призвание»; это навело меня на новую постановку главной проблемы.

Список литературы

Долматов, 2018 – *Долматов А.В.* Понятие интеллектуальной добродетели как эпистемической нормы // *The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа.* 2018. Т. 1. № 4. С. 84–94.

Каримов, 2017 – *Каримов А.Р.* Гетерофеноменологический метод эпистемической оценки // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке.* 2017. Т. 6. № 5. С. 133–139.

Касавин, 2017 – *Касавин И.Т.* Нормы в познании и познание норм // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2017. Т. 54. № 4. С. 8–19.

Лекторский, 2001 – *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.

Мирская, 2005 – *Мирская Е.З.* Р.К. Мертон и этос классической науки // *Философия науки.* Вып. 11. Этос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С. 11–28.

Мур, 1984 – *Мур Дж.* Принципы этики / Пер. с англ. Л.В. Коноваловой; общ. ред. И.С. Нарского. М.: Прогресс, 1984. 326 с.

Непейвода, 2000 – *Непейвода Н.Н.* Прикладная логика: учеб. пособие. Новосибирск: Изд. Новосиб. ун-та, 2000. 521 с.

Шевченко, 2016 – *Шевченко А.А.* Эпистемология и добродетели // *Сибирский философский журнал.* 2016. Т. 14. № 4. С. 82–92.

Юдин, 2018 – *Юдин Б.Г.* Человек. Выход за пределы. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 472 с.

Alfano & Skorburg, 2017 – *Alfano M., Skorburg J.A.* The Embedded and Extended Character Hypotheses // *The Routledge Handbook of Philosophy of the Social Mind / Ed. by J. Kiverstein.* L.: Routledge, 2017. P. 465–478.

Axtell, 1997 – *Axtell G.* Recent Work on Virtue Epistemology // *American Philosophical Quarterly.* 1997. Vol. 34. No. 1. Pp. 1–26.

DePaul & Zagzebski, 2003 – *Intellectual Virtue: Perspectives from Ethics and Epistemology / Ed. by M. DePaul & L. Zagzebski.* Oxford: Oxford University Press, 2003. 300 pp.

Fairweather, 2014 – *Fairweather A.* Virtue Epistemology Naturalized: Bridges Between Virtue Epistemology and Philosophy of Science. Cham: Springer, 2014. 360 pp.

- Fuchs, 1993 – *Fichs S.* Positivism is the Organizational Myth of Science // *Perspectives on Science*. 1993. Vol. 1. Pp. 1–23.
- Fuller, 1988 – *Fuller S.* *Social Epistemology*. Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1988. 316 pp.
- Goldman, 1999 – *Goldman A.* *Knowledge in a Social World*. Oxford: Clarendon Press, 1999. 407 pp.
- Guenin, 2005 – *Guenin L.M.* Intellectual Honesty // *Synthese*. 2005. Vol. 145. No. 2. Pp. 177–232.
- McDowell, 1998 – *McDowell J.* *Mind, Value, and Reality*. Mass.: Harvard Univ. Press, 1998. 416 pp.
- Merton, 1973 – *Merton R.K.* The Ambivalence of Scientists // *Merton R.K.* *The Sociology of Science. Science and Society* / Ed. by N.W. Storer. Chicago: Chicago University Press, 1973. Pp. 383–412.
- Montmarquet, 1987 – *Montmarquet J.E.* Justification: Ethical and Epistemic // *Metaphilosophy*. 1987. Vol 18. No. 3–4. Pp. 187–199.
- Riggs, 2009 – *Riggs W.* Two Problems of Easy Credit // *Synthese*. 2009. Vol. 169. No. 1. Pp. 201–216.
- Sosa, 1991 – *Sosa E.* *Knowledge in Perspective*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991. 316 pp.
- Williamson, 2007 – *Williamson T.* *Philosophy of Philosophy*. Oxford: Blackwell, 2007. 332 pp.

References

- Alfano, M. & Skorburg, J.A. “The Embedded and Extended Character Hypotheses”, in: J. Kiverstein (ed.). *The Routledge Handbook of Philosophy of the Social Mind*. London: Routledge, 2017, pp. 465–478.
- Axtell, G. “Recent Work on Virtue Epistemology”, *American Philosophical Quarterly*, 1997, vol. 34, no. 1, pp. 1–26.
- DePaul, M. & Zagzebski, L. (eds.). *Intellectual Virtue: Perspectives from Ethics and Epistemology*. Oxford: Oxford University Press, 2003, 300 pp.
- Dolmatov, A.V. “Ponyatie intellektualnoi dobrodeteli kak epistemicheskoi normy” [The Concept of Epistemic Virtue as an Epistemic Norm], *The Digital Scholar: Philosopher’s Lab*, 2018, vol. 1, no. 4, pp. 84–94. (In Russian)
- Fairweather, A. *Virtue Epistemology Naturalized: Bridges Between Virtue Epistemology and Philosophy of Science*. Cham: Springer, 2014, 360 pp.
- Fichs, S. “Positivism is the Organizational Myth of Science”, *Perspectives on Science*, 1993, vol. 1, pp. 1–23.
- Fuller, S. *Social Epistemology*. Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1988, 316 pp.
- Goldman, A. *Knowledge in a Social World*. Oxford: Clarendon Press, 1999, 407 pp.
- Guenin, L.M. “Intellectual Honesty”, *Synthese*, 2005, vol. 145, no. 2, pp. 177–232.
- Karimov, A.R. “Geterofenomenologicheskii metod epistemicheskoi otsenki” [Heterophenomenological Method of the Epistemic Estimation], *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke*, 2017, vol. 6, no. 5, pp. 133–139. (In Russian)

Kasavin, I.T. “Normy v poznanii i poznanie norm” [Norms in Cognition and Cognitions of Norms], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, vol. 54, no. 4, pp. 8–19. (In Russian)

Lektorskiy, V.A. *Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya* [Epistemology: Classics and Non-Classics]. Moscow: Editorial URSS, 2001, 256 pp. (In Russian)

McDowell, J. *Mind, Value, and Reality*. Mass.: Harvard Univ. Press, 1998, 416 pp.

Merton R.K. “The Ambivalence of Scientists”, Merton R.K.; N.W. Storer (ed.). *The Sociology of Science. Science and Society*. Chicago: Chicago University Press, 1973, pp. 383–412.

Mirskaya, E.Z. “Merton i etos klassicheskoi nauki” [Merton and the Ethos of Classical Science], *Filosofiya nauki – Philosophy of Science*, vol. 11. Moscow: IF RAN, 2005, pp. 11–28. (In Russian)

Montmarquet, J.E. “Justification: Ethical and Epistemic”, *Metaphilosophy*, 1987, vol. 18, no. 3–4, pp. 187–199.

Moore, J., Konovalova, L.V. (transl.). *Principy etiki* [Principia Ethica]. Moscow: Progress, 1984, 326 pp. (In Russian)

Nepeivoda, N.N. *Prikladnaya logika* [Applied Logic]. Novosibirsk: Novosibirsk University Press, 2000, 521 pp. (In Russian)

Riggs, W. “Two Problems of Easy Credit”, *Synthese*, 2009, vol. 169, no. 1, pp. 201–216.

Shevchenko, A.A. “Epistemologiya i dobrodeteli” [Epistemology and Virtues], *Sibirskiy filosofskiy zhurnal – The Siberian Journal of Philosophy*, 2016, vol. 14, no. 4, pp. 82–92. (In Russian)

Sosa, E. *Knowledge in Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991, 316 pp.

Williamson, T. *Philosophy of Philosophy*. Oxford: Blackwell, 2007, 332 pp.

Yudin, B.G. *Chelovek. Vyhod za predely* [A Man: Going Beyond]. Moscow: Progress Traditsiya, 2018, 472 pp. (In Russian)